

ПОЛНОКРОВНАЯ ЖИЗНЬ ПОЛНОГО ДНЯ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО В НЫНЕШНЕЙ ШКОЛЕ?

**Константин
Сумнительный,**
директор
негосударственного
образовательного
учреждения
«Центр
Монтессори»,
кандидат
педагогических
наук

От экспериментов, проходящих в рамках модернизации школы, рябит в глазах, но история с ними всё чаще повторяется. Эксперимент начинают, вкачивают туда очередную порцию бюджетных денег, получают какой-то результат, чаще всего спорный, и на этой основе спускают всё на тормозах. Обидней всего, что каждая из предложенных новаций действительно содержит в себе рациональное зерно. Более того, мало кто сомневается, что нашему образованию в целом и нашей школе в частности изменения нужны. В ряде школ они происходят, и зачастую успешно. Только вот тиражировать эти успехи у нас не получается, вернее, часто получается по В. Черномырдину: «Хотели, как лучше...» Одной из таких новаций может стать и школа полного дня. Это особенно печально, потому что потенциал этого хорошо забытого старого огромен и может стать той опорой, которая способна если не перевернуть, то существенно обогатить школьный мир.

Уроки Костяшкина

Сама эта инновация таковой не является: школа полного дня — любимое детище Эдуарда Григорьевича Костяшкина — была создана на базе 544-й школы Москвы ещё в 1958 году. Это было удивительное образовательное учреждение, открытое с утра до позднего вечера. В нём действовали десятки кружков, творческих объединений, клубов и даже невероятных для тех времён производственных мастерских. Благодаря бойко распродаваемой продукции мастерских школа закупала необходимое оборудование, проводила походы, организовывала летний лагерь, где в распоряжении школьников была флотилия яхт.

Школа действовала на основе полного самообслуживания и самоуправления. А её ученики жили полной, интересной, многообразной жизнью. К сожалению, от всей этой роскоши массовой советской школе досталась только унылая продлёнка, в которой кипение жизни было заменено ленивым копошением вокруг домашних заданий. О необходимости того, чтобы в школе и вечером горели окна, после Э.Г. Костяшкина чаще всего вспоминали в критических ситуациях, когда надо было «убрать подростков с улицы». В конце 80-х годов, в пору борьбы с печально известными инкубаторами криминалитета — «моталками», оживились школы Казани. Тогда всем миром с бедой удалось справиться, но кто сыграл первую скрипку — школа или милиция — до сих пор непонятно. Ведь сама задача отвлечь от дурного дела, занять ребят делом интересным, редко становится предметом серьёзной педагогической работы. И может быть, главной педагогической находкой 544-й школы стало то, что мероприятия, которые в других школах были всего лишь реакцией на нечто часто малоинтересное детям, здесь превращались в события жизни, в общее с учителями и другими детьми бытие. Только в этих условиях школа может стать вторым домом, где хочется быть весь день.

Воспроизводим ли опыт Э.Г. Костяшкина? Повторить 544-ю, наверное, никому не удастся, да и нужно ли это? А вот создать то, что называют атмосферой, воспитательной средой, органичной для полного дня, возможно. Более того, такие школы есть, и не только в Москве. Их директорам скорее всего не легче, чем было Э.Г. Костяшкину, потому что для работы школы полного дня нужно создать определённые условия. Прежде всего, нужны хотя бы относительная свобода и самостоятельность, определённая автономия школы, касающаяся как содержания образования, так и хозяй-

ственной деятельности. Сегодня школьные мастерские не смогут произвести конкурентоспособную, приносящую доход продукцию, да и законодатели делают всё, чтобы отнять возможную прибыль. И всё-таки есть школы, которые умудряются сохранять солидную долю внебюджетного финансирования. Именно за счёт этих денег чаще всего оборудуются уголки отдыха, открываются кружки и секции, возникают совершенно необычные направления в обучении. Так, в одной из школ Магадана мне с гордостью показали небольшой экзотически оформленный класс, в котором дети занимались японским языком. Там же учитель-энтузиаст открыл парашютную секцию, а директор школы мечтал о создании теннисного корта. Вот и второе условие: присутствие в школе энтузиастов, готовых «заразить» детей тем, что для взрослого человека составляет значительную часть, а иногда и смысл жизни. Есть и ещё одна составляющая успеха в создании школы полного дня: маркетинговые исследования. Фактически это анализ общественных ожиданий, для того чтобы грамотно выстроить программу собственного развития. Это реальный механизм учёта не только государственных интересов в области образования, но и детей и родителей. Эти интересы не всегда проявлены, часто бывают следствием возникшей моды, но если выявлять и учитывать их нелегко, это не значит, что делать этого не надо. Возможно, на этой базе возможна и более тонкая работа, которая способна опровергнуть мнение о том, что школа один из самых консервативных общественных институтов, сделать прогноз на завтра. Но это задача «на вырост», а пока даже школа полного дня, выходящая за рамки продлёнки, под вопросом.

Приказано жить

Видимо, не случайно именно негосударственные школы первыми объявили о переходе на полный день. Часто это был смяг-

чённый вариант продлёнки. Детей развлекали и делали с ними весьма трудные домашние задания. Казалось, что выигрывали все. Родители — потому что знали, что, пока они интенсивно работают, их чада под присмотром; дети, которых кормили почти домашними обедами и помогали разбираться с учебными трудностями, а также предоставляли некоторый выбор дополнительных занятий. Особенно актуально это становилось к тому времени, когда в массовой школе продлёнка чаще всего заканчивалась, то есть к старшим классам. Ведь надо было подготовить детей к успешному поступлению в вуз. Времени на уроках не всегда хватало, и вторая половина дня помогала подстраховаться, найти дополнительное время на подготовку. Массовая школа вынуждена была идти другим путём. В школу начала проникать своеобразная мода на интеграцию основного и дополнительного образования. В этом много рационального: выгодно экономически, потому что огромные здания школ задействованы только в первой половине дня, а во второй простаивали безо всякой пользы. Кстати, в Москве, например, многие Дворцы детского и юношеского творчества, у которых отнимает хлеб идея полного дня, находятся в типовых школьных зданиях. А если полный день войдёт в жизнь, то можно экономить, как с шампунем, сделав два в одном — школу и Дворец творчества. Это выгодно и социально, потому что дети не слоняются по улице, а заняты делом. Это может способствовать созданию эффективной воспитательной системы школы. При вмешательстве грамотного психолога школа полного дня поможет выстроить и полноценную психологическую поддержку детей, помочь им безболезненно пройти сложности, которые неизбежны при социализации. Остаётся несколько маленьких «но», неприятных вопросов, которые могут испортить всю картину. Главный из них — можно ли заставить жить, а не функционировать; строить совместное бытие, а не реагировать, принимая меры по поводу очередных неприятностей или официально объявленных праздников? Можно ли «запустить» эту новую жизнь школы, только дав ей дополнительные финансовые средства? Как сделать, чтобы нормативные акты, которые придётся создавать для регламентации жизни школы полного дня, не обескровили её, не убили эту пока что в отдельных местах эффективную инициативу? У представителей дополнительного образования есть и другой немаловажный вопрос: сегодня в системе дополнительного образования дети зачастую отдыхают от казённой обстановки и жёстких отношений, которые не такая уж редкость в массовой школе. Соглашусь, что возражение это слабое, если забыть о нашей привычке к резким реформам. Ведь боятся того, что, не создав работающей структуры полной школы, одним махом уничтожат всю систему дополнительного образования, которая худо-бедно даёт занятость хотя бы части детей «с улицы». Именно там зачастую помогают детям с проблемами в обучении не поставить на себе крест, обрести веру в себя, найти сверстников с такими же интересами, круг общения, в котором тебя понимают. Впрочем, размах эксперимента, в который

с 2003 года вступила Москва, действительно впечатляет: 200 школ одним приказом переведены в режим полного дня. По широко разрекламированным данным, каждой из них на этот эксперимент выделено по 100 тысяч долларов. О том, как определена эта сумма и почему 100, а не 98 тысяч или миллион, — не сообщалось. Было ли у каждой из этих школ хоть какое-то видение этого перехода, тоже осталось не вполне понятным. Может быть, поэтому в конце учебного года большинство участников эксперимента не докладывало об успехах, а жаловалось на сложившиеся неблагоприятные обстоятельства. Означает ли это, что эксперимент не удался, а если так, то почему? Чего не хватило? Денег? Квалифицированных кадров? Понимания того, зачем, что и как должна делать школа, чтобы не превращаться в тюрьму полного дня, из которой ребёнок может вырваться только по объяснительной записке родителей? Наверное, не хватило всего перечисленного. Но главное в том, что до сих пор ни у кого нет понимания: что такое школа в современной России? Кому и зачем она нужна, а значит, кто и за что в ней готов платить? Вернее, таких пониманий слишком много, но так как крупнейшим инвестором школы продолжает быть государство, то именно от него и ждут внятного определения политики в образовании. Пока же попытки экспериментировать со школой полного дня выглядят как очередное мероприятие и действительно о ней вспомнили на самом верш только после грозного оклика Президента РФ, заявившего о важности борьбы с детской безнадзорностью.

Кто платит, тот и заказывает

Вряд ли кто-то может возражать против задачи «убрать детей с улицы», но эта задача опять ставит всё с ног на голову: улица — лишь следствие, а борьба со следствием ещё менее эффективна, чем война с ветряными мельницами. Реальная же проблема в том, что в ходе социальной адаптации наши дети встречают всё больше сложностей. Будет ли школа только местом трансляции бесплатного для учеников базового учебного плана и оплачиваемого «довеска» в виде прочих знаний или станет местом, где детям профессионально помогают адаптироваться в современном обществе? Ведь если на некоторое время забыть о компетенциях, к которым сегодня призывают переходить школу, то неврдно было бы вспомнить о возрастной периодизации, предложенной некогда признанными в мире авторитетами советской психологии. Весь мир знает, что, по Л.С. Выготскому, в подростковом возрасте ведущей деятельностью становится общение со сверстниками. Достаточно посмотреть учебный план любой «продвинутой» школы, чтобы убедиться в том, что всеми своими действиями она опровергает этот постулат психологии.

Если школа остаётся только школой обучения, то полный день для неё избыточен и неизбежно превратится в ту же нена-

вистную детям «продлюгу». Если же мы хотим что-то действительно менять, то школа должна не только переходить к полному дню, но, возможно, и ещё более расширять поле своей деятельности, становясь социокультурным центром. Это не мечта, некоторые школы уже делают реальные шаги на этом пути. Вопрос в том, к чему стремится государство: к тому, чтобы такие школы стали стандартом нашего образования или подходили под определение «в семье не без урода»?

Правомерен и другой вопрос: а зачем государству та или иная школа? И здесь придётся вернуться к результатам международного исследования качества образования. В них мы выглядели достаточно бледно. Наши дети неуверенно чувствуют себя в проблемных ситуациях, где нужно применить знания. Для большинства ребят знания, полученные в школе, — мёртвый груз, нужный в лучшем случае для успешного поступления в институт. Исключение составили две категории детей: ученики элитных школ и школ развивающего обучения, но это ещё более ужесточает картину и показывает, что в стране произошла дифференциация среднего образования. Сознательно или бессознательно мы воспитываем тонкий слой элиты и толстый слой тех, кем эта элита сможет беспрепятственно манипулировать. В этом плане наша школа осталась совершенно советской. Это, кстати, также показали международные исследования качества образования. У стран-победителей соотношение тех, кто в процессе обучения не потерял активности, самостоятельности мышления и способности принимать нестандартные решения, и унылых середнячков обратно пропорционально нашим аналогичным показателям. То есть «их» система образования ориентирована на поддержку в человеке самостоятельности и активности, наша — по-прежнему отводит человеку роль винтика в общественном механизме.

Победившая же в этом негласном «чемпионате мира по обучению» Финляндия давно перешла на школу полного дня. Правда, задача там поставлена иная, чем у нас, и реализуется школа полного дня иначе. Во-первых, там полный день не столько для ученика, сколько для части учителей, которые получают свою ставку за то, за что наш учитель, при почасовой оплате, делает, как правило, за дополнительные деньги. Это индивидуальные занятия и консультации с отстающими учениками, лаборатории, в которых работают со способными детьми над творческими проектами, и собственно уроки. При этом никто не отменял и почасовой оплаты, есть учителя, предпочитающие давать уроки в нескольких школах. Эта схема придаёт образовательной системе гибкость. Замечу только, что зарплата финского учителя не столь постыдно низка, как в России.

Во-вторых, в Финляндии учитель не рассматривает ученика как источник дополнительного дохода: ученик может воспользоваться услугами учителя, чтобы лучше понять то, что было недопонято на уроке, попросить помощи учителя при разработке собственного проекта. Финляндия поставила всё с головы на ноги, как оно и должно быть: не ученик — для школы, а школа — для ученика. В Финляндии никто не дискутирует на тему: директор должен быть лучшим из педагогов или менеджер? Директор школы отвечает там только за организацию учебного процесса. Очевидно, что такая модель школы для нас пока нереальна. Но что можно позаимствовать у северного соседа, так это принцип, по которому школа для ученика (а не наоборот) и гибкий принцип оплаты учительского труда. Вряд ли школа полного дня может быть реализована без учителя полного дня. Стоит разобраться и вот с чем: является ли для нас дополнительное образование данью традиции, по которой на него была возложена функция воспитания? Или это возможность расширить образовательное пространство ученика, создать для него поле

выбора в удобном для него месте и в удобное время? Что станет целью школы полного дня — тотальный контроль или оказание помощи в индивидуальном развитии и социализации ученика? За какую из этих задач и сколько готово платить государство, а за что и сколько готово платить общество, пока в большей степени в лице родителей?

Что там впереди?

Профильная школа родилась в современной России ещё до того, как группа учёных и практиков, собранная Министерством образования, подготовила её концепцию. То же самое происходит и со школой полного дня. Это верный признак того, что она необходима. Пока вариации на эту тему очень разнообразны: к школе полного дня относят себя и школы-интернаты, где полный день — особенность учреждения и где выбор учеником такой формы жизни не предполагается. Такие школы требуют отдельного разговора хотя бы из-за их относительной изолированности от социума. Выстроить не продлёнку, а реальную школу полного дня в сложном, по-разному влияющем на ребёнка социуме — задача более сложная и более актуальная. Для тех, кто уже сделал серьёзные шаги в этом направлении, школа полного дня стала своеобразным инновационным механизмом: она позволяет вносить существенные изменения в святые святых традиционной школы — классно-урочную систему. Очевидно, что вторая половина дня, если она построена по клубной схеме, позволяет создавать в школе разновозрастные коллективы, объединяющие детей по интересам. В рамках этих коллективов важными оказываются не только учебная успешность школьника, но и его возможности и способности к различным видам учебной деятельности. Часто в таких школах удаётся выстроить надёжное психологическое сопровождение, что позволяет снимать, а иногда и предупреждать возникающие у детей проблемы. Зачастую интеграция с дополнительным образованием способствует проникновению в учебный процесс неурочных форм занятий. В лабораториях и научных обществах расширяется и содержание образования, которое, выходя за рамки учебного плана, становится более системным, индивидуально осмысленным. И, наконец, в такой школе возможно создать значительное поле выбора и прийти к реальной профилизации (конечно, если под профильной школой понимать не подготовку к дальнейшему профессиональному обучению, а поле проб, в котором молодой человек выявляет направление своих интересов). И, наконец, именно в школе полного дня, которая может стать социальным посредником между детьми и обществом, может созреть реальная потребность стать социокультурным центром, выйти за стены школы не только для того, чтобы привлечь спонсоров к реализации своих проектов.

Школу полного дня уже пытаются определить и классифицировать по разным признакам. В разных её моделях можно го-

ворить о степени интеграции основного и дополнительного образования, о задачах, которые готова решать школа. Но стоит ли пытаться разложить всё по полочкам, когда сама жизнь предлагает самые неожиданные варианты? Уже очевидно, что к полному дню в школе не готово ничего. Она не приспособлена к этому архитектурно, в ней часто нет необходимых специалистов, готовых по-другому работать с детьми во второй половине дня, ей не хватает денег, чтобы обеспечить эту работу, ей мешают непродуманные инструкции. Но всё-таки школа работает, не всегда осознавая себя школой полного дня. Иногда становясь ею почти случайно и неформально, потому что в её стенах создаётся атмосфера, из которой дети не хотят уходить. Это, наверное, важнее помещения, залы, деньги важнее, чем формальная принадлежность к школе полного дня, потому что по инструкциям таковой является только школа, где на полный день согласились 80% учащихся. А если 20 или 79? Поэтому попробую рассказать о некоторых школах, которые не всегда вписаны в рамки инструкций, но так близки к главной цели школы полного дня — созданию условий для развития и социализации детей в нашем сложном, нездоровом обществе.

Школа полной жизни

Для Лидии Николаевны Русаковой, директора 70-й общеобразовательной школы города Тюмени, праздник ассоциируется с детским воспоминанием. Учитель выводил их во двор, и дети усаживались вокруг начинавшей цвести яблони по краешку травы, прорастающей за пределами кроны. Там проходил урок, от которого оставалась тихая радость в душе. С тех пор эта тихая радость и школа слились в душе Лидии Николаевны. И теперь во дворе 70-й вас встречает средневековый замок, да и вход в школу раскрашен в непривычно яркие цвета. А когда попадаешь в холл за постом охраны, то удивляешься ещё: стены выкрашены в сочные канареечные цвета. Одна так словно пронизана тёплым солнечным цветом. Именно на ней эмблема оригинального школьного праздника — Дня Солнцеворота.

Мы попали в школу поздним вечером, но в ней кипит жизнь. В актовом зале один из классов даёт театрализованный отчёт о каникулярной поездке в Петербург. Засиделись ребята и в клубе «Камелот».

Пока Лидия Николаевна беседует с родителями, со школой нас знакомит её заместитель. Для него школа — путь в культуру, и всё, что окружает здесь ребёнка, должно помогать на этом пути. Один из этажей подчинён трём спецкурсам — Античности, Средневековью и Новому времени, которые ведутся в школе. Дух этих трёх времён чувствуется и за пределами классов, как и дух творчества. Мы входим в класс МХК, где во всю стену картина-фреска. Школьный авангард, нарисованный детьми. На картине дерево, в ветвях и корнях которого множество причудливых образов: людей, животных, мифических персона-

жей. Это концептуальный образ мировой культуры, некий космос человека культурного.

А за пределами класса на стенах — подлинники произведений тюменских художников, репродукции полотен великих живописцев. Зимние сады и фонтан не оставляют и намёка на то, что ты попал в учреждение. Скорее это похоже на уютный дом для большой семьи. Удивляют и некоторые таблички. Длинная и нетипичная: «Кабинет для индивидуальных занятий музыкой»; короткая и неожиданная: «Рок-клуб». В школе работают 12 учителей музыки, оборудовано 7 кабинетов для индивидуальных занятий, более 300 детей обучаются игре на музыкальных инструментах (фортепиано, флейта, аккордеон, гитара).

В нынешнем виде школа возникла относительно недавно после объединения начальной школы и 86-й гимназии. От первой (валеологической направленности) 70-я получила роскошную медицинскую базу, напичканную современной аппаратурой для физиопроцедур, сауну и знаменитую на всю Тюмень соляную «пещеру», в которой теперь проводятся не только процедуры, но иногда и уроки. Школа не только приняла, но и активно, по-хозяйски использует богатое наследство. Сегодня здесь работают 12 спортивных секций, есть собственный зал ЛФК, а на улице методом народной стройки создаётся спортивная площадка.

От гимназии школа получила интеллектуально-творческое сотрудничество взрослых и детей, особый стиль общения и деятельности. Именно он определяет то, что сегодня названо школой сотворчества. Сегодня здесь трудится коллектив учителей, умеющих наполнить урочную и внеурочную жизнь детей яркими, интересными смыслами.

Ученики школы легко выходят за её пределы. Часть из них регулярно выезжает в Петербург — учиться в школе культуры «Ковчег». На время этих поездок учебным классом для детей становится весь город (наша «Северная Вене-

ция»), в музеях которого ребята соприкасаются с тем, о чём только слышали на уроках и что могли видеть лишь на слайдах. Дети увлекаются, в них пробуждается желание путешествовать не только по Петербургу. Родной край предстаёт перед ними дурманящим запахом полевых трав, прохладной свежестью горных ручьёв и прекрасными видами, которые открываются тем, кто готов отойти от суеты городов и, преодолевая усталость, идти по трудной горной дороге...

Вся жизнь 70-й как будто опровергает известное и распространённое мнение о том, что школа — это чётко отлаженный механизм, в котором рутинной и в общем-то скучной работе отдана большая часть времени. По мнению директора Лидии Николаевны Русановой, школа — это живой, трепетный и развивающийся организм. Это чувствуется даже в терминологии. Здесь не проводят «мероприятия» (даже не употребляют это омерзительно-казённое слово), здесь происходят события — соприкосновение с бытием, рассчитанное на живой отклик.

В этой школе переплелись и успешно взаимодействуют несколько миров. Строгий мир учебных занятий, с требовательными учителями, добрый и предупредительный мир врачей и дающий возможность реализовать самые неожиданные творческие возможности мир клубов и творческих мастерских. Даже столовая становится для ребят ещё одним параллельным миром, где шеф-повар не только мастер своего дела, но и замечательный педагог. Так усилиями многих людей разных профессий и имеющих разные задачи создаётся школьное пространство психологически комфортной жизни. Оно нужно для того, чтобы снять любые конфликты, чтобы возникающие проблемы не решались сгоряча, не переходили в конфронтацию между детьми, между ними и педагогами или родителями. Здесь считают, что любую проблему можно решить, не унижая себя и других.

В этой разнообразно выстроенной причудливой жизни рождаются не менее

причудливые варианты новой школы. Их придумывают ребята вместе с учителями. В этом году таких вариантов оказалось восемь. Восемь взглядов на жизнь, на пути развития и на цель движения. Главное в том, что идеи не остались прожектами, стали руководством к действию. А исполнение мечты, как известно, требует материальных затрат. Это возможно только при многоканальном финансировании. В прошлом году школа привлекла почти 4 млн рублей внебюджетных средств, около 2 млн рублей заработала, реализуя платные образовательные услуги.

У многих жизненных событий бывает сценарий, но, видимо, нет рецепта, как их прожить. Хотя, похоже, у Русаковой он есть. Может быть, не рецепт, но некоторые жизненные принципы, помогающие строить школу сотворчества. Ещё будучи молодой учительницей, Лидия Николаевна, получив урок от более опытного коллеги, сделала вывод, с которым с тех пор идёт по жизни: за самой привлекательной формой не должно теряться содержание. Если ребёнок пришёл на урок (или на любое занятие), то результатом должна быть изученная и понятая им тема, а также творческое использование этих знаний. Не обязательно вся учебная деятельность оценивается отметкой, но ситуация успеха должна быть подчёркнута!

И всё же главной задачей в 70-й считают создание культурного поля школы, которое многолико и многослойно. Это и праздники — праздник осеннего костра, зимних холмов, праздник тряпочных картин, и творческие объединения школьников, и образовательные путешествия, и — доброжелательный, конструктивный стиль общения детей и взрослых. Всё это переплетается и помогает в изучении учебных дисциплин. Внешне же на первом плане — всё необязательное, внеурочное, дополнительное, рождающее атмосферу свободы, доверия и взаимопонимания.

Помогает этой атмосфере и 12-й класс, где апробируются образовательные программы, обсуждаются новые идеи и проекты. Классный руководитель этого класса — директор школы, а собраны в нём учителя. Позиция Лидии Русаковой: прежде чем говорить об индивидуальной траектории развития ребёнка, необходимо так организовать работу с педагогами, чтобы каждый из них ощутил ценность индивидуального подхода, побывал в ситуации успешности в соответствии с личностными возможностями. Именно поэтому важный итог учебного года — представление опыта каждого учителя в различных номинациях.

Школа самоопределения

Научно-педагогическое объединение 773-я школа вобрала в себя детский сад, научные лаборатории и курсы повышения квалификации учителей. Одним из направлений работы НПО и объектов внимания его директора Александра Наумовича Тубельского стала школа полного дня. Над переводом школы на этот режим Тубельский работает уже 8 лет. Столько полный

день существует в начальной школе, в прошлом году на эту форму перешли пятые классы. В этом учебном году перешли седьмые. Требуется тщательная, кропотливая работа, чтобы создать единое расписание с 8 утра до 7 вечера, выстроить образовательный процесс, обеспечить детям питание, отдых и безопасность без полной изоляции, а также решить проблемы возрастающей детской агрессивности. Для решения этих проблем школе Тубельского, которая находится в «спальном» районе, трудно привлекать возможности мегаполиса, ведь не всегда выберешься в центр города, где сосредоточены музеи и театры, поэтому основная тяжесть воспитательной работы сосредоточивается в школе. Учитывать приходится не только место расположения школы, но и её традиции, ожидания и пожелания родителей и даже архитектурные особенности здания. Школа Тубельского расположена в типовом здании модели «самолётик». В нём узкие коридоры, нет маленьких помещений, в целом здание мало приспособлено для жизни детей и требует реконструкции или хотя бы пристройки для клуба.

Свой «самолётик» Тубельский «перелопатил» на славу. Если бы начали проверять не только квартиры, но и школы, ему бы досталось, да и уже достаётся за все «самостийные» переделки и перестройки. Скажем, за перекрытую рекреацию на втором этаже, где появились два новых кабинета. А как по-другому разместить то, что школе не положено? Здесь есть собственная видеотека, открыта медиатека, в которой проходят не только уроки, в свободное время ребята могут покопаться в том, что интересно именно им. Появился и отдельный спорткомплекс для малышей. Для этого пришлось придумать, как сделать так, чтобы, сняв неусыпный контроль, не получить «букет» травм. Получилось не очень дорого, но вполне удобно и безопасно. Теперь в спорткомплекс можно попасть в любое время. В этом свободном пространстве расположен и кабинет, где дети делают всё что угодно: начиная от лежания в гамаке и заканчивая игрой в конструктор «лего». Кстати, там есть спускающиеся с потолка платформы, на которых ребёнок, начиная строить и передумав заканчивать работу, может поднять её наверх — и поделка будет ждать его следующего прихода. Во дворе тоже есть спортивный комплекс. Дети не должны замыкаться в четырёх стенах. В школе убеждены: вместо того чтобы лечить детей, им надо обеспечить разумный двигательный режим и внутреннюю свободу.

Свободное пространство даёт детям выбор. К примеру, в начальной школе один день в неделю все занимаются в выбранных ими студиях. Причём если кто-то в пятницу был в этой студии, то в следующую пятницу он может туда и не пойти — ему там может разонравиться или захочется попробовать что-то новое. Учесть все эти поиски в расписании конечно же невозможно, да и не нужно, считают в школе. Достаточно составить общее расписание. В нём дан перечень кружков на опделённый день, указаны свободные пространства: спортзал

открыт для всех желающих тогда-то, медиатека — по средам и пятницам. И ребята могут решить, куда пойти, составить своё индивидуальное расписание. Младшим в этом помогает воспитатель, но в любом случае это только проект, а не «обязаловка».

В рамках полного дня у Тубельского есть и ещё один вид занятий — когда-то он назывался самоподготовкой. Сегодня — это самостоятельная работа, наименее проработанная и самая трудная для учителей форма. Это не продолжение урока и не выполнение домашнего задания. Здесь должна произойти встреча знаний и опыта учителя с полётом фантазии и творческого поиска ученика. Это место работы детей над самостоятельными проектами, в которой им помогают учителя.

Таким образом, в образовательной среде школы, в условиях свободного выбора у ребят рождается личностный смысл образования. Они получают бесценный опыт применения и расширения своего образовательного потенциала.

Школа психологического комфорта

Валентину Николаевичу Самусенкову, директору Мичуринского лицея-интерната, чай в фитобаре не понравился. Но он допускает, что благодаря лечебным чаям медицинские обследования учеников из года в год дают самые лучшие в области результаты. А если серьёзно, то в лицее работает лечебно-оздоровительный центр. Врачи занимаются профилактикой и лечением дидактогенных заболеваний школьников.

Однако в лицее ставка делается не только и не столько на медицину. Здесь действует совершенно новая модель организации занятий, оптимизирующая учебную, психологическую и физическую нагрузку, снижающая перегрузку. Это оказалось возможным за счёт продуктивного использования резерва времени в условиях школы полного дня. Напри-

мер, внеклассное обучение английскому языку детей младшего возраста. Акцент сделан на общение с гувернёром во второй половине дня. Традиционно на уроках отрабатываются навыки чтения, письма, устной речи в искусственных учебных ситуациях. Общение же на иностранном языке более успешно происходит в естественных ситуациях — во время прогулки, за обедом, на занятиях по интересам. Организатором такого общения становится учитель английского языка, работающий в классе, на этом этапе его называют гувернёром. Он и учитель, владеющий английским, организующий речевое общение в совместном пребывании с детьми, и воспитатель, решающий поставленные задачи средствами языка, и консультант, помогающий детям в подготовке домашних заданий.

Во время занятий по интересам появляется возможность для интегрированного обучения. Например, совместно с учителем музыки гувернёр разучивает песни на английском языке. Это обеспечивает мягкое вхождение детей в мир чужого языка, формирует у них навыки общения, развивает коммуникабельность, языковые способности, помогает преодо-

леть речевую застенчивость, которая может стать серьёзным препятствием в изучении языка.

Гувернёрские занятия методически обеспечены, разработаны программы для каждого класса начальной школы, определены их цели и задачи. Содержание программ разделено по четвертям и темам. Программы снабжены дидактическим материалом, разработками внеклассных мероприятий. Всё это можно использовать в условиях групп продлённого дня при организации внеурочной работы на английском языке.

Вторая возможность устранить учебную перегрузку — это дифференциация по параллелям и подгруппам, которая приводит к выравниванию возможности ребят. В результате в сравнении с разноуровневыми группами экономится более 30% учебного времени, так как учитель не отвлекается на помощь отстающим и на постоянное усложнение заданий способным ученикам.

Третий резерв скрыт в умении учителей осуществлять ранний пропедевтический подход, даже не вводя основные понятия трудной для освоения темы. И, наконец, учебная нагрузка по предмету может быть по-разному распределена не только в течение четверти, учебного года, но и всего школьного курса. Это резервы, которые лежат на поверхности, но позволяют, сохраняя здоровье ребёнка, поддерживать высокий уровень обучения.

Три школы — три модели полного дня. Этот опыт (а таких школ наверняка сотни в стране) свидетельствует о том, что полноценная жизнь в школе полного дня возможна при нынешних условиях. Для этого нужно только одно: желание и творчество педагогического коллектива. **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Воспитание в педагогическом вузе: мифы и реалии

Юрий Тюнников, проректор по дополнительному образованию СГУТ и КД (г. Сочи), профессор, доктор педагогических наук

Фатима Хакунова, декан педагогического факультета АГУ (г. Майкоп), профессор, доктор педагогических наук

Анаид Петросян, заместитель декана по воспитательной работе факультета технологий и предпринимательства АГПУ (г. Армавир)

Марина Мазниченко, доцент кафедры педагогики СГУТ и КД (г. Сочи), кандидат педагогических наук

Концепция воспитательной работы в вузе: формальность или руководство к действию? Каковы цели воспитательной работы в вузе? Готовы ли преподаватели высших учебных заведений к воспитательной работе со студентами. На эти и другие вопросы отвечают авторы статьи.